

DOI: 10.14515/monitoring.2015.1.04

УДК 314.12.044:316(470+571)

Т.А. Аймалетдинов, О.Н. Игушкина

РОЖДАЕМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ УСТАНОВОК ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СТРАНЕ

РОЖДАЕМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ УСТАНОВОК ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СТРАНЕ

АЙМАЛЕТДИНОВ Тимур Алиевич – кандидат социологических наук, директор по исследованиям Национального агентства финансовых исследований. E-mail: aimaletdinov@nacfin.ru

ИГУШКИНА Ольга Николаевна – аспирантка департамента социологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), специалист Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

Аннотация. На основе анализа теоретических разработок, а также данных эмпирических исследований и статистических наблюдений проанализировано современное состояние рождаемости в зарубежных странах и России. Выявлена и описана зависимость уровня рождаемости от общественных оценок внешней экономической среды, установок гендерного равенства и отношения к системе национального здравоохранения. Описываются наиболее значимые факторы увеличения числа бездетных семей в российском обществе с позиций распространенных сегодня концепций социально-демографического анализа. Приводятся основные статистические показатели России по числу одиночных домохозяйств, разводов, рождаемости, оценке консервативности граждан. Рассматриваются не только современные демографические тенденции, они детально интерпретируются в контексте

FERTILITY RATE IN THE CONTEXT OF CHANGING SETTINGS OF THE GENDER EQUALITY AND PUBLIC OPINION. ABOUT COUNTRY'S HEALTH CARE SYSTEM

AIMALETDINOV Timur Alievich – Candidate of Sociological Sciences, Director of Research, National Agency for Financial Studies. E-mail: aimaletdinov@nacfin.ru

IGUSHKINA Olga Nikolaevna – postgraduate student, Department of Sociology, specialist, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University – Higher School of Economics (St. Petersburg).

Abstract. Based on the analysis of theoretical developments and empirical data, the article describes the current fertility rate in Russia and foreign countries. The authors explore the dependence of the fertility on the public assessments of the economic environment, on the gender equality settings and on the public attitudes towards national healthcare system. The authors give a description of the most important factors that influence the number of childless families in Russia. Basic statistical data used in the article involve the number of individual households, divorces, fertility and the assessment of Russians' conservatism. The authors consider modern demographic trends being an object of today's gender studies as well as the impact of regional and religious factors on the non-marital fertility. Contemporary demographic theories that take into account the changing status of women in society are also described. Major hypotheses are proved by the data of public opinion polls conducted in

современных социологических, в частности гендерных исследований. Подробно описывается влияние регионального и религиозного факторов на внебрачную рождаемость. Описываются современные демографические теории, возникшие в связи с изменением позиций женщин в обществе. Основные гипотезы подтверждаются данными всероссийских опросов, проведенных в России за последние несколько лет.

Показано, что гендерное равенство в публичной сфере приводит к росту экономической независимости женщины, что может стимулировать рождаемость посредством понижения социальных рисков. Однако культурные изменения могут привести к разным исходам в зависимости от того институционального макроконтекста, в который они вписаны. Это позволяет сделать вывод о непрременной важности сочетания социологических исследований с экспериментальными психологическими подходами.

Акцентируя внимание на гендерном равенстве в приватной и публичной сферах, авторы приходят к неожиданным выводам: при усилении тенденции равенства мужчин и женщин рождаемость не продолжит снижение (как это происходит в последние десятилетия), а, наоборот, повысится.

Ключевые слова: гендерное равенство, уровень рождаемости, индекс гендерного равенства, институт здравоохранения, институт семьи, рождение детей, здравоохранение, здоровье

Russia over the recent years.

The gender equality in public sphere leads to the increase in economic independence of women which may boost fertility at the expense of the reduced social risks. However, cultural changes may have different effects depending on institutional macro context they belong to. The authors conclude that the combination of sociological studies and experimental psychological approaches is vital.

The authors strengthen the gender equality in private and public spheres and make an unexpected conclusion: if the quality between men and women is preserved, the fertility will not decrease (as we have seen in recent decades) but will rather increase.

Keywords: gender equality, fertility rate, index of gender equality, institution of health care, institution of family, birth of children, health care system, health

Одной из самых заметных демографических тенденций XX в. стало начавшееся в 1960-х гг. падение рождаемости, охватившее как развитые, так и большинство развивающихся стран. Снижение уровня рождаемости происходило на фоне масштабных перемен в жизни общества. Австралийский демограф П. Макдональд описывает их в терминах двух волн социальных изменений: рефлексивная модернизация и новый капитализм. Главным проявлением рефлексивной модернизации стал рост социального либерализма, проявившийся в резком увеличении числа разводов, росте внебрачной рождаемости, распространении добрачных отношений (рис. 1). Новый капитализм, воплотившийся в масштабных экономических потрясениях, также оказал влияние на репродуктивную сферу, спровоцировав рост так называемой отложенной рождаемости.

Современные молодые люди массово откладывают создание семьи и рождение детей в силу установок о необходимости достижения финансовой стабильности. При этом нестабильность экономической системы рефлексивируется общественным мнением как

недостаточная и ненадежная предпосылка рождения и воспитания детей. К примеру, согласно данным Национального агентства финансовых исследований, семейные люди в 2,5 раза чаще пользуются кредитными финансовыми услугами, а сумма ежемесячных трат в расчете на одного члена семьи существенно выше, чем у одиноких респондентов¹. Субъективные опасения и стремление избежать грядущих изменений сказываются на принятии решения о создании семьи.

Снижению уровня рождаемости в России способствует и увеличение числа разводов как одна из основных характеристик перемен в брачно-семейной сфере, о которых писал П. Макдональд. Россия лидирует по числу разводов в мире (хотя, согласно Демографическому ежегоднику ООН, в 2011 г. наша страна уступила первенство по числу разводов Гватемале). Общемировая тенденция такова, что самыми быстрыми темпами растет число домохозяйств, состоящих из одного человека².

Согласно прогнозу Euromonitor International, с 2012 по 2020 г. число домохозяйств, ведущихся одним человеком, вырастет на 47,1 млн и составит 20,6% общего числа новых домохозяйств в мире. Россия по этому показателю займет 6-е место – 12,9 млн одиночных домохозяйств, пропустив вперед США (36,3 млн), Китай (31,6 млн), Японию (18,2 млн), Индию (17,4 млн) и Германию (15,5 млн).³

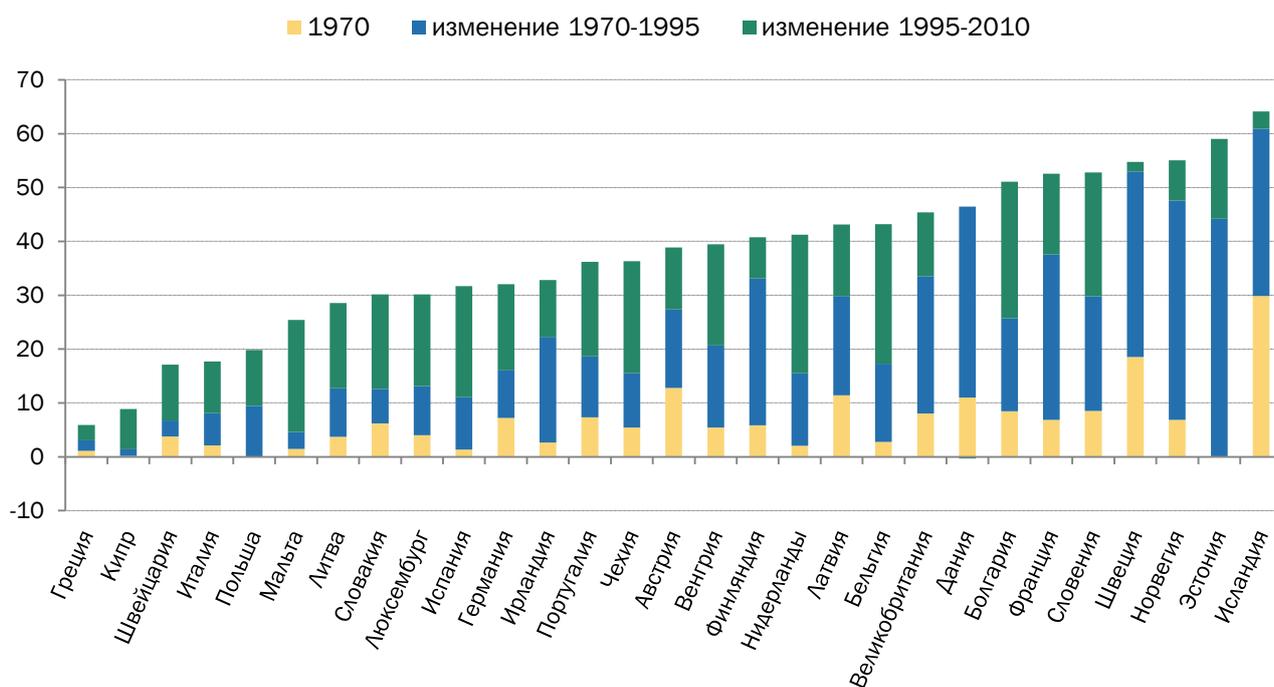

Рисунок 1 - Уровень внебрачной рождаемости, 2010

Рост числа бездетных семей обусловлен изменением установок и ориентацией на гендерное равенство, которые коснулись и России. В теории рождаемости данные тенденции

¹ Пресс-выпуск НАФИ «Как семейное положение влияет на финансовое поведение» [Электронный ресурс] // НАФИ. М., 2013. URL: <http://nacfin.ru/kommersant-ru-obyasnil-kak-semejnoe-polozhenie-vliyaet-na-finansovoe-povedenie>.

² Источник: база данных Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/social/soc/oecdfamilydatabase.htm>.

³ Источник: база данных Euromonitor International [Электронный ресурс]. URL: http://kxk.ru/credit/v3_804959_.php.

подробно описаны в концепции «второго демографического перехода» (Дирк ван де Каа и Рон Лестеге, 1986). Ее авторы описывают второй демографический переход через «рост сожительств, партнерских и сексуальных структур, неполных семей, т.е. через плюрализм осколков семейной системы родительства–супружества–родства. Дирк ван де Каа объясняет эти перемены тем, что не дети, а супружеская пара становится центром семьи, причем сексуальный гедонизм супругов превращает постоянную практику контрацепции в норму супружества» [Клупт, 2007].

Самостоятельным направлением в теории рождаемости становятся гендерные исследования, изучающие связи между рождаемостью, репродуктивными установками, репродуктивным поведением и существующей в обществе гендерной системой. Последнюю можно определить как «предписанное разделение труда и ответственностей между женщинами и мужчинами, а также наделение их различными правами и обязанностями» [Mason, 1995, p. 31]. Первая часть гендерной системы – гендерные роли как социальные конструкты, вторая – институализированное на национальном уровне неравенство между мужчинами и женщинами. Гендерная система наделяет мужчин и женщин разными правами и обязанностями, поэтому, пока она остается пропущенным звеном в понимании низкой рождаемости, не может быть получено адекватное научное описание демографических тенденций.

В рамках анализа гендерного неравенства на разных уровнях социальной системы американская исследовательница А.Р. Хохшильд ввела термин «stalled revolution» [Hochschild A.R. et al., 1989, p. 464–488]. Данный термин описывает существующие противоречия между масштабными изменениями в гендерной системе в пределах публичных институтов и относительно незаметными изменениями в частной жизни. Раньше абсолютное доминирование мужчин наблюдалось в публичной сфере, наиболее распространенной была модель мужчины-кормильца, за женщиной была закреплена роль матери и основного поставщика заботы в семье. Вторая волна феминизма и индустриализация привели к размыванию столь четкого разделения ролей. Сегодня женщины получили широкие возможности как в образовании, так и в карьере, т.е. достигли относительного равноправия в общественной жизни, однако никак не изменили положения в рамках семейных отношений. Таким образом, многие из них несут двойную нагрузку (second shift [Hochschild, 1989]) в связи с необходимостью сочетания профессиональных и семейных обязанностей. Исследователи определяют проблему гендерного неравенства в частной сфере как ключевую: «неравенство внутри домохозяйства – сердцевина гендерного неравенства в современных западных государствах всеобщего благосостояния» [Hook, 2010, p. 1480–1523].

Аналогичная ситуация наблюдается и в России, исполнение домашних обязанностей по-прежнему остаются прерогативой женщин. Результаты проведенного в мае 2014 г. Национальным агентством финансовых исследований опроса ярко продемонстрировали стремление российских женщин к независимости. Более половины женщин (59%) и почти половина мужчин (45%) подтверждали, что женщина все меньше нуждается в мужской помощи в ежедневных делах. Любопытно, что одним из атрибутов независимости женщин рассматривается сегодня наличие у нее личного автомобиля [Пресс-выпуск НАФИ, 2014].

Важной проблемой становится связь между особенностями гендерной системы и рождаемостью. Нацеленность российского общества на гендерное равенство подтверждают исследования, впервые проведенные ВЦИОМ еще в 2007 г. Половина респондентов тогда считала, что у мужчин и женщин одинаковые возможности для деятельности в таких сферах

жизни, как распределение семейных обязанностей, участие в политической и общественной жизни, свободное время, получение образования. Неравенство, по мнению россиян, пока сохраняется в отношении уровня оплаты труда, где у мужчин возможностей для получения более высокой зарплаты больше [База данных ВЦИОМ..., 2007]. Однако в вопросах гендерного равенства на фоне как развитых, так и развивающихся стран Россия выглядит достаточно консервативной, занимая в 2013 г. в рейтинге Global Gender Gap [The Global..., 2013] 61-е место в списке из 136 стран.

Данные Росстата свидетельствуют о том, что в последнее десятилетие рост рождаемости в России есть, но происходит он медленно и в основном за счет относительно многочисленных когорт женщин средних и старших репродуктивных возрастов. По сравнению с 1950–1980 гг., динамика рождающихся несравнимо меньше. По прогнозам Росстата, численность населения России к 2030 г. будет на 11 млн меньше, чем сейчас. Заметный положительный тренд, который сейчас наблюдается в России, продлится недолго, а за последующие 15 лет сформируются тенденции к уменьшению уровня рождаемости [Росстат..., 2014]. Опрос, проведенный ВЦИОМ в 2013 г., иллюстрирует озабоченность россиян этим вопросом. Большинство воспринимает низкую рождаемость как угрозу для общества. Более половины (58%) считают возможным вымирание нации вследствие низкой рождаемости [ВЦИОМ, 2013].

Уровень рождаемости нелинейно, но сильно связан с общественным мнением о текущем состоянии здравоохранения в стране. В России доверие ему пока остается невысоким, что сказывается и на рождаемости. В 2011 г. ВЦИОМ проводил всероссийское исследование, касающееся безопасности и чувства защищенности людей в сфере здравоохранения. Исследование выявило, что более половины (55%) россиян считают, что ситуация в сфере здравоохранения неудовлетворительная, и всего 6% оценивают ее как хорошую [ВЦИОМ, 2011].

П. Макдональд анализирует связь между гендерным равенством в различных социальных институтах с уровнем рождаемости. Он уделяет внимание самому институту семьи как части культуры. По его мнению, социальные и экономические институты влияют на рождаемость, но больше всего влияет сама семья, с одной стороны, как институт, с другой – как важнейшая часть культуры.

П. Макдональд различает два типа социальных институтов: 1) институты, определяющие женщину как индивида (образование, рынок труда); 2) институты, определяющие женщину как члена семьи (условия труда, социальная политика, семья) [McDonald, 2000, p. 427–439]. Развитые страны, в которых есть когерентность в этих институтах, демонстрируют относительно высокий уровень рождаемости. В странах, где как институциональный, так и культурный контекст продуцирует, некогерентность, рождаемость сохраняется на относительно низком уровне.

П. Макдональд рассматривает две институализированные модели семьи: традиционную модель мужчины-кормильца и относительно новую, предполагающую равенство партнеров как в публичной, так и в приватной сфере. По мнению Макдональда диспропорциональность между уровнем гендерного равенства в разных социальных институтах во многом объясняет низкую рождаемость в европейских странах. Институциональное и культурное закрепление модели мужчины-кормильца приводит к ограничению женщин в полноценном участии в рыночных отношениях, затрудняет возможности комбинирования трудовых и семейных обязанностей, в конечном счете

приводит к снижению фактической рождаемости при сохранении относительно высокого уровня фертильных намерений [McDonald, 2000, p. 1–16].

Теории демографического перехода говорят о происходящем в обществе процессе модернизации, который определяется секуляризацией, ростом уровня образования, урбанизацией, изменением положения женщин, распространением ценностей самовыражения и т.п. В целом динамика социальных изменений в рамках такого подхода может быть описана движением «от традиционного общества – к современному, от более религиозного – к менее религиозному, от индивида, опутанного общинными узами, – к свободной личности» [Клупт, 2005]. Одно из положений теории второго демографического перехода связано с ростом гендерного равенства, т.е. с изменениями в гендерной системе, которые могут отражаться на рождаемости.

Гипотеза 1: женщины, разделяющие эгалитарные гендерные установки, имеют в среднем меньше детей, чем женщины, разделяющие традиционные гендерные установки.

Гипотеза 2: в странах, где уровень разделения установок гендерного равенства выше, женщины в среднем имеют больше детей, чем женщины в странах с низким уровнем разделения установок гендерного равенства.

Гипотеза 3: женщины, положительно оценивающие здравоохранение своей страны, имеют в среднем больше детей.

Источником данных выступают результаты 5-й волны Европейского социального исследования [European Social Survey, 2010]. В качестве зависимой переменной используется число детей у респондента. Так как анкета ESS не предполагает прямого вопроса о количестве детей, оно вычислено на основе информации, полученной из блока вопросов об отношениях с членами домохозяйства. Данная переменная является счетной или пуассоновской, так как представляет собой число событий, произошедших за фиксированный период времени, в нашем случае периодом времени является репродуктивная жизнь женщины.

В соответствии со сформулированными гипотезами независимыми переменными являются:

- 1 индекс гендерного равенства индивидуального уровня;
- 2 среднее страновое значение индекса гендерного равенства;
- 3 оценка состояния системы здравоохранения в стране.

Индекс гендерного равенства отражает степень разделения респондентами установок гендерного равенства. Индекс сконструирован из следующих вопросов анкеты ESS:

- 1 *Женщина должна быть готова к тому, что она не сможет работать в полную силу, полный рабочий день, а должна будет посвятить свое время заботе о детях и семье.*
- 2 *Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть преимущество перед женщинами при приеме на работу [Main...].*

Ответы на данные вопросы закодированы по шкале от 1 до 5, итоговый индекс нормирован по шкале от 0 до 1 (0 – традиционные гендерные установки, 1 – эгалитарные гендерные установки). Среднее значение индекса гендерного равенства используется в качестве переменной странового уровня.

Оценка состояния здравоохранения. Переменная закодирована по шкале от 0 до 10, где 0 – «очень плохое», 10 – «очень хорошее».

Религиозность (самооценка респондента). Ответы респондентов закодированы по шкале от 0 до 10, где 0 – «совсем не религиозный», 10 – «очень религиозный».

Место проживания. Данная переменная представлена тремя категориями: 1 – большой город (опорная категория), 2 – пригород или окраина/небольшой город или поселок, 3 – деревня или село/ферма.

Оценка достаточности дохода домохозяйства. Переменная закодирована как фактор, включающий 4 категории (см. табл. 1)

Образование. Уровень образования определяется числом лет, потраченных респондентом на получение образования.

Вклад респондента в общий доход домохозяйства. Переменная закодирована по шкале от 0 до 7, где 0 – «ничего», 7 – «все».

Результаты моделирования. Регрессионная модель включает базовые социально-экономические предикторы, а также переменные, описывающие уровень гендерного равенства на индивидуальном и страновом уровне. Как показывают полученные регрессионные коэффициенты, тип места проживания, возраст, религиозность, оценка состояния здравоохранения и доходы домохозяйства положительно связаны с числом детей у женщины. Отрицательная связь обнаруживается между числом детей и количеством лет образования, вкладом респондента в общий доход домохозяйства и установками гендерного равенства на индивидуальном уровне. Таким образом, мы можем сказать, что женщины, разделяющие более традиционные взгляды на гендерные отношения, в среднем имеют больше детей по сравнению с женщинами, разделяющими эгалитарные взгляды. При этом средний уровень гендерного равенства в каждой конкретной стране показывает положительную связь с числом детей. Соответственно, женщины в странах, где уровень гендерного равенства в среднем выше, имеют в среднем больше детей, чем женщины в странах с относительно низким уровнем гендерного равенства.

Связь между оценкой состояния здравоохранения и числом детей может трактоваться двояко: с одной стороны, высокая оценка системы может служить дополнительным стимулом рождаемости, с другой – женщины с несколькими детьми могут быть более активными потребителями медицинских услуг, хорошо знакомыми с состоянием здравоохранения на личном опыте. Другими словами, в отношении наличия и направленности казуальных связей по этому вопросу мы можем делать лишь предположения.

Наибольший интерес представляет разнонаправленность связей между двумя измерениями гендерного равенства (на индивидуальном и страновом уровнях) и зависимой переменной. Представляется, что такую ситуацию можно объяснить социокультурными различиями стран: для эмансипированной Северной и Западной Европы характерно распространение ценностей гендерного равенства, а также отсутствие жестких нормативных рамок репродуктивного поведения, Восточная и Южная Европа, напротив, более консервативны, что в конечном счете сдерживает рождаемость. Так, на юге Европы молодые люди начинают жить самостоятельно гораздо позднее, нежели молодежь из Западной и

Северной Европы. Это связано с особенностями культуры южных стран, где исторически семья была важным институтом, регулирующим и даже определяющим жизнь индивида. Другая особенность связана с сильным влиянием католической церкви во всем регионе. Создаются специфические социокультурные условия, в которых добрые связи, сожительства, и тем более внебрачные рождения крайне негативно воспринимаются сообществом. «В результате люди не вступают в брак потому, что это слишком ответственно, и не создают внебрачного союза, потому что это предосудительно. В Северной и Западной Европе внебрачная рождаемость вносит значительный вклад в общее число рождений, на юге Европы этого не происходит» [Клупт, 2007, с. 80].

Таблица 1 Регрессионные коэффициенты модели

	Estimate	Std. Error
Константа	-0,355***	0,094
Возраст 30–35		
Возраст 36–40	0,264***	0,027
Возраст 41–45	0,254***	0,028
Тип места проживания:		
Большой город		
Маленький город/поселок	0,124***	0,029
Село/ферма	0,221***	0,030
Кол-во лет образования	-0,011**	0,003
Совместное проживание с мужем (партнером)		
Другое	-0,541***	0,033
Оценка достаточности доходов домохозяйства		
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений		
Этого дохода нам в принципе хватает	0,098***	0,029
Жить на такой доход довольно трудно	0,204***	0,034
Жить на такой доход очень трудно	0,275***	0,042
Религиозность	0,021***	0,004
Вклад респондента в общий доход	-0,028***	0,007
Индекс гендерного равенства (индивидуальный уровень)	-0,134**	0,047
Индекс гендерного равенства (страновой уровень)	0,876***	0,119
Отношение к системе здравоохранения	0,011*	0,004
Nagelkerke R-sq	0,218	
N	6549	

Графики, представленные на рис. 2 и 3, отражают разнонаправленность описываемой зависимости. Видно, что женщины с несколькими детьми имеют в среднем более традиционные взгляды на гендерные отношения. Определенный интерес представляет «разлом» на уровне одного ребенка. Получается, что однопородные женщины в среднем консервативнее, чем двухдетные. Это противоречит общей тенденции – чем больше детей, тем более традиционалистские взгляды демонстрирует женщина. С другой стороны, это частично объясняет разнонаправленность связей на двух уровнях анализа. Подобный

«разлом» присутствует и на рис. 3, иллюстрирующем тот факт, что женщины с относительно большим числом детей чаще встречаются в странах с высоким средним уровнем разделения установок гендерного равенства. В данном случае «разлом» показывает, что в странах, где в среднем наблюдаются наиболее консервативные взгляды на отношения полов, чаще встречаются однопородные женщины. В то же время в относительно эгалитарных странах двухдетные женщины встречаются примерно так же часто, как и бездетные. При этом многодетными матерями в выборке чаще всего становились представительницы наиболее либеральных стран.

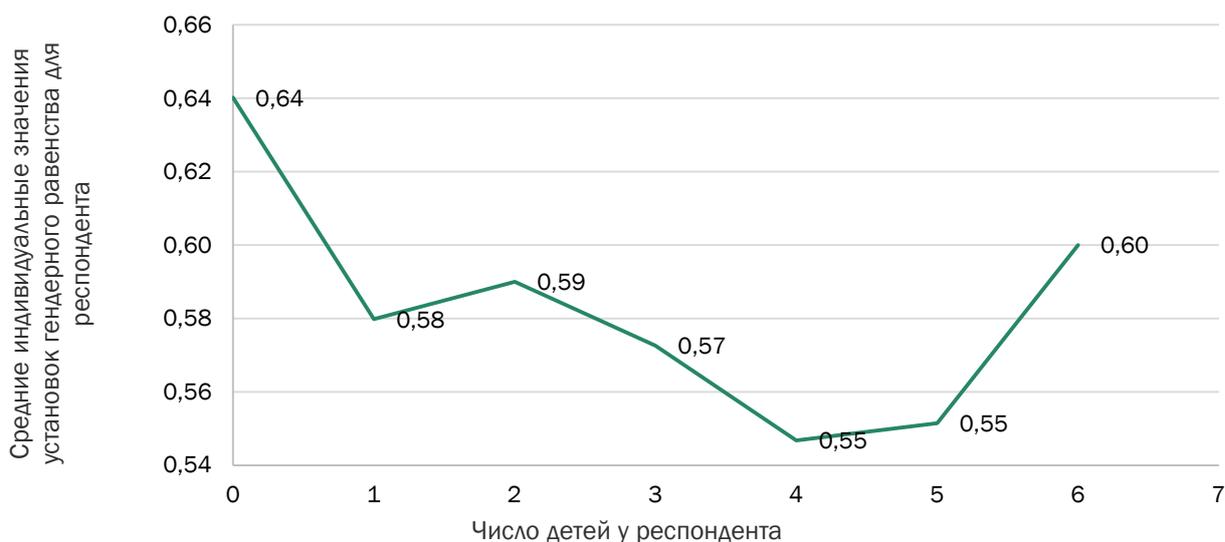

Рисунок 2 - Установки гендерного равенства: связь индивидуальных средних значений и числа детей

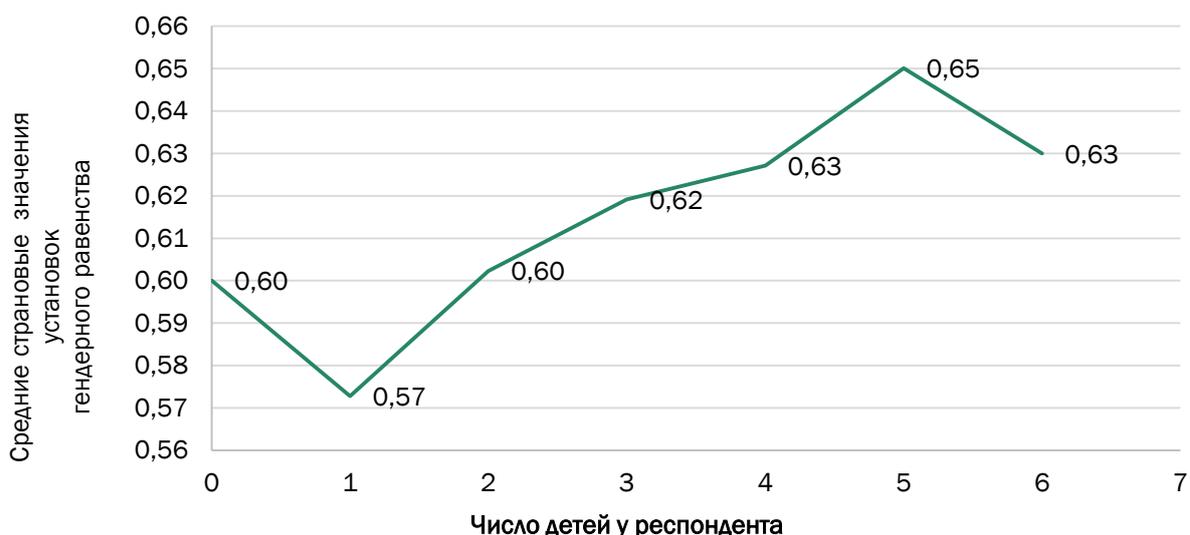

Рисунок 3 - Установки гендерного равенства: связь средних по стране и числа детей

Можно сказать, что в современном европейском обществе наблюдается снижение давления социальных норм, регулирующих семейные отношения, при этом широко распространяются ценности свободы, в том числе свободы репродуктивного поведения. Идеология гендерного равенства становится важным аспектом социальной жизни и, несмотря на опасения традиционалистов, может парадоксальным образом отразиться на росте рождаемости. Гендерные отношения, пронизывая все сферы жизни человека, становятся значимым фактором в контексте репродуктивного поведения. Достижение гендерного равенства в приватной сфере позитивно отражается на рождаемости, так как нивелирует проблему двойной нагрузки женщины. Гендерное равенство в публичной сфере приводит к росту экономической независимости женщины, что также может стимулировать рождаемость посредством понижения социальных рисков. Однако культурные изменения могут привести к разным исходам в зависимости от того институционального макроконтракста, в который они вписаны. Это означает, что параллельно с изменением гендерных установок должна происходить синхронная адаптация той части институциональной среды, которая наиболее тесным образом соприкасается с повседневной реальностью современной молодой семьи. Отсюда еще раз актуализируется вопрос социологического мониторинга качества и оперативности таких изменений.

Литература

- 1 Клупт М.А. Демография регионов земли. М.: Питер, 2007.
- 2 Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива// Общественные науки и современность. 2005. Т. 2.
- 3 Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. М.: Норма, 2008.
- 4 Gender Equality Index [Электронный ресурс] URL: <http://eige.europa.eu/content/gender-equality-index> (Дата обращения: 06.11.2014).
- 5 Hochschild A.R. The second shift: Working parents and the revolution at home. New York, 1989. Hook J.L. Gender Inequality in the Welfare State: Sex Segregation in Housework, 1965–2003 // American Journal of Sociology. 2010. Т. 115. № 5. P. 1480–1523.
- 6 Lesthaeghe R. The second demographic transition in Western countries: An interpretation // Gender and family change in industrialized countries. 1995. P. 17–62.
- 7 Main, interviewer and supplementary questionnaires [Электронный ресурс] URL: <http://ess.nsd.uib.no> (Дата обращения: 06.11.2014).
- 8 The European Social Survey (the ESS) [Электронный ресурс] URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (Дата обращения: 06.11.2014).
- 9 The Global Gender Gap Report 2013 URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2013.pdf.
- 10 Mason K.O. Gender and demographic change: What do we know? // Liege: International Union for the Scientific Study of Population, 1995. P. 31.
- 11 McDonald P. Gender equity in theories of fertility transition // Population and development review. 2000. Т. 26. № 3. P. 427–439.
- 12 McDonald P. Gender equity, social institutions and the future of fertility // Journal of population research. 2000. Т. 17. № 1. P. 1–16.

- 13 OECD Family database [Электронный ресурс] URL: <http://www.oecd.org/social/family/ecdfamilydatabase.htm> (Дата обращения: 06.11.2014).
- 14 Van de Kaa D.J. Postmodern fertility preferences: from changing value orientation to new behavior // Population and Development Review. 2001. P. 290–331.
- 15 Van de Kaa D.J. The idea of a second demographic transition in industrialized countries // Birth. 2002. Vol. 35. P. 45.